

От того, каким образом мы определимся с нашей структурой ценностей, зависит характер дальнейшего человеческого развития. Человечество переживает период существования, в котором противоречия между технологическими достижениями и архаизмами социальной организации общества чрезвычайно обострились. Требования к адекватному формированию модели желаемого будущего многократно возросли. Представления о сути ценностей важны теперь, как никогда прежде. Для того чтобы определиться с этой сутью, требуется как анализ текущего положения дел в данной области, так и весьма глубокие ретроспекции.

Начнем, по традиции, со словарных определений; по ним можно получить представление о том, какую проработку получило в обозримом прошлом понятие «ценность». Так, в знаменитом словаре В.И. Даля слово «ценность» еще не встречается вовсе. Словарь русского языка С.И. Ожегова трактует «ценность» просто как «ценный предмет, явление» [1, с. 809]. Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова представляет ценность как «явление, предмет, имеющий то или иное значение, важный, существенный в каком-нибудь отношении» [2, с. 747–748]. Философский энциклопедический словарь (1989) трактует понятие ценности достаточно подробно; в нем подразделяются предметные ценности и субъектные ценности [3, с. 732–733]. Согласно определению, приведенному в Новейшем философском словаре под редакцией А.А. Грицанова (1998), термин «ценность» применяется для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных объектов и явлений, отсылающий к миру должного, целевого, смысловому основанию, Абсолюту [4]. Наконец, Философский словарь под редакцией А.А. Ивина (2004) представляет ценность как отношение между субъективным представлением о том, каким должен быть тот или иной объект, и самим этим объектом (т. е. отображение позиции должностования). Согласно этой концепции, объект считается хорошим (позитивно ценным) тогда, когда он соответствует предъявляемым к нему требованиям, т. е. является таким, каким он и должен быть. Негативно ценным (плохим) становится объект, который этим требованиям не соответствует [5].

На основании того, что уже написано и сказано о ценностях, возникают два вопроса, которые, хотя они и тесно связаны один с другим, надлежит разрешить порознь:

1. Какова сущность философского понятия ценности как целостного явления?

2. Какова структура ценностей, исходя из их множественного (многокомпонентного) характера?

Первоначально обратимся к сущности ценностей.

По представлению видного отечественного философа М.С. Кагана, основа философского понятия

«ценность» лежит в субъект-объектных отношениях, и потому, например, гедонистическое понимание ценности (как результат чувственного контакта с предметами окружающего мира) не может считаться удовлетворительным: выступая в гедонистическом качестве, человек представляет собой объект, а не субъект (например, объект манипуляций), и его связи с природой, окружающим миром становятся объект-объектными [6]. Итак, понятие ценности неотделимо от деятельности субъекта, от осмысления им реальности, т. е. от процессов мышления. Данный посыл заставляет нас попытаться раскрыть глубинную, сущностную связь между ценностями и мышлением, а также обратиться к проблеме возникновения ценностей в историческом (а вернее — в доисторическом) контексте.

Если само существование ценностей, как утверждал М.С. Каган, предполагает наличие осмысления (а следовательно, и самой способности мыслить), то верно ли обратное? Предполагает ли наличие мышления также и возможность оперировать с ценностями? Очевидно, это так, ибо у ценностного сознания и у мышления общие онтологические корни.

Мышление прежде всего предполагает операции с символами. Но что есть символ? Символ — это объект, наделенный некоторым особым смыслом, не тождественный сам себе, а служащий указанием на нечто иное (и — в познавательном отношении — большее, более значимое), нежели он сам [7–10]. Любой другой объект не является чем-то иным или большим, нежели он сам, и потому его рассмотрение не выходит за рамки той наличной ситуации, в которой данный объект пребывает, встречается нам в своем натуральном виде. Символ же приобретает способность *обозначать*, нести в себе означаемое, и потому его действие рамками наличной ситуации уже не ограничивается. Шаг от действий в наличной ситуации к операциям вне ее, собственно говоря, и знаменует собой появление человеческого мышления. Обозначение есть корень мышления. Но *обозначать* не значит *быть знаком*, и поэтому важно понимать различие между этими двумя понятиями.

Символ не тождественен знаку. В отличие от знака, он *не только* обладает функцией обозначения; ему присуще собственное, самостоятельное бытие, даже и вне контекста обозначений. Так, медведь является символом Летних Олимпийских игр в Москве (1980), а также Зимних Олимпийских игр в Сочи (2014), партии «Единая Россия», Ярославля и Берлина, Пермского края и др. Однако, кроме всего этого, медведь — это также просто животное. Если символ перестанет что-либо обозначать, он все равно сохранит свое первоначальное, предметное бытие. В противоположность символу, *знак*, у которого отобрано означаемое, пуст и бесплоден; он абсолютно бесполезен и никому не нужен. Например, буква есть знак; буква, не обозначающая

никакого звука — просто ни на что не годная закорючка на бумаге. Но может ли буква стать символом? Может: для этого, помимо обозначения звука, она должна приобрести некий дополнительный, особый смысл. Так, многие физические величины, подобно химическим элементам, обозначаются отдельными буквами — и тут они уже символы, а не знаки. Знак представляет собой превращенную форму символа. Нас окружают теперь и символы (в своем первоначальном смысле), и знаки — выхолощенные, упрощенные символы, для целей «чистого» обозначения, однако намного более удобные. Таким образом, в символе сочетаются (и в то же время независимо сосуществуют) исходное бытие объекта и обозначаемая им иная сущность. Впрочем, это не единственное возможное толкование отношений знаков и символов; согласно некоторым бытующим представлениям, знак, напротив, старше символа и сам послужил для него основой.

Сама возможность мыслить в собственном смысле этого слова, оперировать не наличными образами, а понятиями, выходящими в своей представленности за рамки наличной ситуации, связана с символическим характером *слов*. В мире, состоящем из бесчисленного количества всевозможных, природных и искусственных объектов мы ориентируемся при помощи достаточно большого, но все же ограниченного перечня слов и понятий. Данное противоречие разрешается просто: словесное обозначение получает лишь тот объект, который имеет какое-либо реальное значение для нас — а мы помним, что символ и есть объект, наделенный особым значением.

Что общего имеют между собой понятия «символ» и «ценность»? И в том, и в другом случае мы имеем дело с некоторым объектом, наделенным особым значением. Изначально любой объект, наделенный особым значением (т. е. представляющий собой *символ*) наделялся и особым *обозначением*, т. е. словом, и тем самым выделялся из первобытного хаоса окружающих предметов и явлений. Расхождение понятий «ценность» и «символ» произошло позднее, когда среди тогда уже огромного количества обособленных предметов, вещей и явлений следовало выделить не просто значимые, а *особо значимые*. Произошел переход от констатации наличия особого значения к выделению особой значимости как измеримого свойства: отныне значимость могла быть большей или меньшей.

А раз значимость может быть большей или меньшей, она может стать и *наибольшей*, превышающей все иные значимости, ни с чем не сравнимой, абсолютной. Таким образом, наряду с понятием «ценность» возникает понятие «священное», которое также подразумевает некоторое особое свойство рассматриваемого объекта. Это привносит в земное бытие данного объекта некий не просто особый,

но высший смысл, впервые реализованный в форме первобытного анимизма. Таким образом, и «священное», наряду с понятием ценности, имеет общие корни с символическими операциями, как с первоосновой мыслительной способности человека. Отсюда видно, что способность к мышлению в своем развитии неизбежно порождает тему сверхъестественного, божественного, откуда возникает первооснова всех религий — то, что Э.Б. Тайлер обозначал как «минимум религии» [11]. Божественна сама мысль, ибо в ней коренится исток всякой особенной значимости, а следовательно, и всякой святости. Это находит косвенное подтверждение в распространении религиозных верований; как известно, безрелигиозных народов, народов-атеистов не существует вовсе.

Здесь следует сделать важное замечание. Священное, будучи *абсолютно* ценным, выходит тем самым за рамки всякой количественной измеримости и изменчивости. Священное не может стать «более священным» или «менее священным». Оно может быть только целиком упразднено — либо тогда, когда отрицается какой-либо вариант священного, а на его место воздвигается новая святость — либо при попытке совершенно упразднить саму идею святости, что, пока мы остаемся мыслящими существами, невыполнимо в принципе.

Появление самой способности к символическим операциям не означало еще, конечно, единовременного появления всех наличных символов. Символическое мышление развивалось сравнительно медленно, по мере того как смысловое пространство вокруг человека насыщалось символами. Из нерасчлененного потока ощущений постепенно выделялись, вычленились особо значимые объекты, что сопровождалось появлением множества «очагов кристаллизации» смыслов. Эти «очаги кристаллизации» были, по всей видимости, относительно автономны, возникали в течение протяженного времени, и лишь позднее сплетались в единую ткань языка; вероятно, поэтому языки народов относительно примитивных морфологически гораздо сложнее, чем языки так называемых цивилизованных народов.

Известно, что первобытному человеку было свойственно синкретическое мышление, недоступное уже современным людям, привыкшим мыслить аналитически. Термин «синкретизм» означает состояние первоначальной слитности, нерасчлененности смыслов на ранней стадии развития. Однако ввиду того, что возникновение отдельных символических конструкций не было одновременным, совершенной, полной и всеобъемлющей формы первобытного синкретизма, видимо, не существовало никогда.

Первобытный синкретизм проявлялся, в частности, в первоначальном смысловом единстве символа (знака), ценности и священного. Еще для древнего грека наличие божеств не было чем-то отдельным

от реальности; обособление и позднее раздельное рассмотрение и изучение символов, ценностей и священного появилось позднее. Но в целом ценность есть переработанный, достигший определенной степени конкретности символ, и потому само существование ценностей неотделимо от мышления и сознания человека. В цепочке понятий «символ (знак) — ценность — священное» несомненно просматриваются иерархические отношения: эти понятия различаются и по степени значимости, и по уровню конкретности, и по ряду других признаков (это пригодится нам в дальнейшем).

Обратимся ко второму интересующему нас вопросу — структуре ценностей. В работах психологов и философов ценности рассматриваются в качестве понятия, содержащего ряд структурных подразделений. Внутри понятия «ценность», таким образом, выявляется собственная иерархическая система. Д.А. Леонтьев писал о трех формах существования ценностей, переходящих одна в другую: во-первых, это общественные идеалы как обобщенные представления о совершенстве в различных жизненных сферах; во-вторых, это материальное (предметное) воплощение таких представлений в поступках (деяниях) и произведениях конкретных людей; в-третьих, ценности в мотивационных структурах личности [12].

Л.Б. Эрштейн обозначает понятие ценности, как существующее в трех ипостасях:

1) ценность как значимость (как обозначение большей или меньшей значимости (цены) элементов реальности);

2) ценность как выбор цели, представление о желаемом;

3) ценность как понятие, характеризующееся набором определенных свойств (немногочисленность, системность, социальная природа ценностей, а также их влияние практически на все значимые социальные феномены) [13].

Этот же автор отмечает, что, во-первых, человек проявляет ценностное отношение практически ко всем явлениям реальности (отсюда — свойство всеохватности ценностей); во-вторых, ценности всегда принадлежат кому-то и потому всегда субъективны; в-третьих, ценности измеримы; в-четвертых, они изменчивы. Сам же автор сводит ценности к тем или иным формам запретов на определенное действие либо, наоборот, бездействие (к чему также предстоит вернуться позднее).

Если рассматривать ценности как субъектные и предметные, то необходимо признать за ценностями еще одно свойство: они всегда социальны. Ценности признаются (или отвергаются) обществом и тем самым являют собой общественное явление. Социальное качество ценностей прямо связано и с их описанным выше происхождением; язык, ставший порождением способности к символиче-

ским операциям, не только инструмент мышления, но всегда равным образом и инструмент общения, и он ни в какой мере не является лишь индивидуальным достоянием говорящего и мыслящего субъекта. Ценность, происходящая из этой же способности, также социальна по своей сути.

Социальная роль ценностей реализуется и в связях между поколениями, в обучении и воспитании. Исторически это приобретало разные формы. М. Мид, проанализировав культурное развитие человечества в контексте сохранения или создания нового, выделила три вида культур: постфигуративную, основанную на том, что подрастающее поколение перенимает опыт у старших; кофигуративную, где и дети и взрослые учатся не только у старших, но и у сверстников; префигуративную, в которой не только дети учатся у родителей, но и родителям приходится учиться у своих детей [14].

Итак, будучи измеримы и, следовательно, сравнимы друг с другом, отдельные ценности образуют иерархию. Для каждого субъекта (и в каждой совокупности субъектов, в каждом обществе) есть более и менее значимые ценности. Кроме индивидуальной (личной, или, если угодно, субъектной) значимости, ценности имеют значимость общественную, которая способствует сохранению общественных отношений (либо, напротив, направлена на разрушение общественных отношений и атомизацию общества). Кроме того, ценности могут быть представлены в различных сферах жизни человека: в профессиональной, семейной, общественной, в сфере обучения и образования, в сфере увлечений, и это создает еще одно основание для их иерархического соподчинения. Наконец, принадлежность ценностей к социальной категории «отцов» или «детей», как это показано в концепции М. Мид, также позволяет говорить об иерархических отношениях.

Всякая иерархия строится на основании некоторых организационных принципов, определяющих, почему ее элементы занимают именно это положение в данной системе. Если все эти принципы действуют в одном направлении, то в иерархии сохраняется изначальная, упорядоченная форма отношений (т. е. отношения ордера). Но в некоторых случаях один организационный принцип начинает противоречить другому; тогда некоторый элемент, будучи в подчиненном положении согласно одному организационному принципу, оказался бы на ведущей, главенствующей позиции благодаря другому такому принципу. Это состояние представляет собой инверсию в иерархической системе; наличие и распространение подобных инверсий свидетельствует о том, что данная система находится на пороге распада либо существенной трансформации.

Так, применительно к вышесказанному, один организационный принцип (конституциональный, т. е. обеспечивающий сохранение всех необходимых

для существования общества установлений) позволяет помещать выше те ценности, которые способствуют сохранению и развитию общественных отношений. Но другой принцип (мажоритарный, т. е. показывающий, каких ценностей придерживается большинство) может действовать и в противоположном направлении, если наибольшее распространение приобрели, например, ценности гедонистические, связанные с сугубо личным наслаждением и потребительством. Применительно к социальному характеру ценностей, в этом нет противоречия: социальная значимость ценностей вполне может проявляться и в их антисоциальной направленности [15]. В результате инверсии, когда целостность общества поддерживают одни ценности, а большинством этого общества разделяются ценности другие, обществу угрожает атомизация, аномия, распад. Эти антисоциальные ценности еще и постольку являются ценностями низшего порядка, поскольку, как указывал М.С. Каган, возвращают человека к объект-объектным отношениям. Но несмотря на это, они не могут быть изъяты из ценностной иерархии и рассматриваться вне ее.

Представленные выше элементы — символ, с одной стороны, и священное — с другой, образующие наряду с ценностями единую, целостную систему, также создают тем самым иерархические отношения. Эта иерархия, по отношению к ценностям, образует своего рода метасистему (систему высшего порядка).

Для того чтобы вполне оценить целесообразность анализа инверсивных отношений в ценностной иерархии, следует для сравнения рассмотреть принятые в настоящее время классификационные подходы к ценностям. Согласно взглядам М. Рокича, ценности могут быть подразделены на терминальные и инструментальные [16]. Инструментальные ценности важны «для чего-то», а терминальные ценности важны сами по себе. Но не всегда ясно, какие ценности могут считаться терминальными, какие — инструментальными. Так, ценность «здоровье» в трактовке М. Рокича — терминальная. Многие люди, в особенности — медики, называют здоровье высшей ценностью. Но представим себе ситуацию, в которой оказались легендарные 28 панфиловцев под Москвой. Могли кто-то из них заявить, что для него здоровье — это и есть наивысшая, главная ценность? Вероятно, такой воин был бы воспринят окружающими как трус и дезертир. Высшей, терминальной ценностью для этих людей было Отечество. Здоровье тоже являлось для них ценностью, но как раз инструментальной: его надлежало содержать в порядке, как и свое оружие, чтобы оно не подвело в решающий момент боя. Таким образом, деление ценностей на терминальные и инструментальные технически удобно, но абсолютным и окончательным оно не является. Эта относительность терминального или инструментального ха-

рактера ценностей заставляет нас вновь обратиться к инверсивным отношениям в ценностной иерархии.

Запретная теория ценностей, представленная в упомянутой ранее работе Л.Б. Эрштейна [13], представляет ценности как систему запретов на определенные действия или на какое-либо бездействие. Безусловно, наличие культурных запретов представляет собой важнейший аспект ценностного отношения к миру. Но на одних только отрицаниях и запретах реальную систему ценностей выстроить невозможно. Сугубо отрицательные установления составляют лишь одно «плечо» ценностного сознания; необходимо и другое, содержащее не отрицание, а некое положительное утверждение.

Никто не может отрицать значимости культурных запретов (таких, как запрет на инцест, запрет на поедание себе подобных, и т. д.). Однако, оставаясь в рамках ценностей, представленных в запретной теории, мы можем самое большее сохранять статус-кво, но лишены всякой перспективы дальнейшего развития и даже просто адекватного реагирования на вновь возникающие проблемы и вызовы. Конечно, никакие запреты не вечны; они отмирают со временем. Изменения ценностной иерархии, ограничивающиеся только отменой ранее введенных запретов и нагромождением новых, означают не общественное развитие, а общественную деградацию. Для того чтобы развитие было возможным, требуются некоторые позитивные ценности. Что же служит их источником?

В нашей жизни случаются деяния, представляющие собой нечто сверхнормативное. Они не вписываются в понятие нормы, и их неисполнение не карается посредством запретов на некую бездеятельность; следовательно, целеполагание действий подобного рода не может быть описано в понятийном кругу запретной теории ценности. К таким действиям, как это еще столетие тому назад определил Питирим Сорокин в своих ранних социологических этюдах, относятся *услуга* и *подвиг* [17].

Услуга, будучи сверхнормативной по отношению к обусловленному общественными нормами поведению, не подразумевает никакого поступка, превышающего обычные возможности человека, или же сопряженного с особым риском (либо самопожертвованием) для него. В свою очередь, такое явление, составляющее деяние высшего порядка, принято называть уже не услугой, а *подвигом*.

Известны разные подвиги: подвиги веры; подвиги, совершенные во всякого рода чрезвычайных ситуациях; существуют военные, спортивные, трудовые и даже интеллектуальные подвиги. Их объединяет одно. Будучи не только сверхнормативным, но и выходящим за пределы обычного порядка вещей, подвиг порождает категорию священного и сам становится священным. Он теряет измеримость, и как все священное, становится абсолютным. Вот

почему за подвиги не платят деньгами, как за услугу. Любая форма оплаты, монетизации подвига все равно будет выглядеть черной неблагодарностью: благодарность за услугу упраздняется после оплаты, а благодарность за подвиг должна быть незабываемой, вечной. Нельзя сказать герою: ты уже получил свою награду, мир более тебе ничего не должен. Напротив, награда есть всего лишь знак того, что деяния данного человека приобрели сакральный характер и заняли заслуженную позицию высшей ценности.

Роль подвига — созидательна; запреты носят охранительный характер. В связи с этим следует подчеркнуть, что и подвиги, и запреты формируют систему ценностей, встраиваясь в ее иерархию. Что важнее, созидательная или стабилизирующая роль — вероятно, спорить глупо. Прибегнем к аналогии. В автомобиле необходим двигатель, без которого он не сдвинется с места, но нужны и тормоза, ибо без них неизбежна авария. Необходимо и то, и другое; но все же автомобиль по определению является транспортным средством, имеющим мотор, а не тележкой, снабженной тормозами. Если охранительная функция выйдет на первое место, это будет означать ценностную инверсию.

Высшая роль священного в иерархии составляет залог всякого развития (однако при этом следует помнить, что священное вовсе не обязательно носит именно религиозный характер, в узком смысле этого слова, т. е. в плане принадлежности к какой-либо ныне действующей религиозной конфессии). В то же время попытки упразднения священного как института порождают, в свою очередь, инверсию в фундаментальной метасистеме, которая чревата весьма неприятными последствиями. Эти последствия носят по природе своей преходящий характер, ибо никакому, даже самому заблуждающемуся субъекту не суждено, что называется, выпрыгнуть из собственной человеческой природы. Триада «символ (знак) — ценность — священное» все равно останется в ней. Но в сам период развития подобных инверсий общество погружается в ситуацию ценностного кризиса и аномии, что всегда приводит к колоссальным материальным и человеческим потерям (как это было в России в 1917 и в 1985–1991 годах).

Священное как институт в итоге никуда не исчезает, лишь меняя свою внешнюю оболочку. Этот механизм прекрасно показан в описании действий нигилиста, которое Г. Лебон в свое время позаимствовал у Ф.М. Достоевского: «Озаренный в один прекрасный день светом разума, этот нигилист разбил изображения божества и святых, украшавшие алтарь его часовни, потушил восковые свечи и, не теряя ни минуты, заменил уничтоженные изображения творениями философов-атеистов, таких как Бюхнер и Молешотт, и снова благоговейно зажег свечи» [18, с. 200–201]. У того же Г. Лебона мож-

но найти и такое высказывание: «Якобинцы времен террора были так же глубоко религиозны, как и католики времен инквизиции, и их свирепая пылкость вытекала из одного и того же источника» [18, с. 198]. Известно, что коммунисты в нашей стране весьма серьезно боролись с религией, но тело своего вождя возвели в достоинство святыни, в каком оно и пребывает до сих пор. То же самое мы наблюдаем и теперь в деятельности современных неоллибералов. Так, величайшей завоеванной ценностью они полагают «право на богохульство», на публичное попрание чужих святынь. Ликвидировался ли от этого, хотя бы в их собственных головах, институт священного? Ничуть не бывало: когда 7 января 2015 г. была расстреляна редакция журнала *Charlie Hebdo*, как раз и занимавшегося (и занимающегося до сих пор) в основном богохульствами, эти жертвы немедленно сами были подвергнуты фактической сакрализации.

Представленные здесь примеры позволяют нам сделать два вывода: во-первых, эти примеры показывают нам, насколько тесна взаимосвязь между понятиями «символ», «ценность» и «священное» — они образуют совместную, целостную иерархическую систему; во-вторых, в иерархических системах, в том числе и в ценностной иерархии, существенную роль играют инверсивные отношения, и анализ этих отношений представляется весьма эффективным познавательным инструментом, без которого, очевидно, невозможно составить сколько-нибудь адекватное представление об этих системах.

Список источников

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 52 000 слов / сост. С.И. Ожегов. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. 848 с.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка [100 000 слов и словосочетаний]. Москва : Аделант, 2013. 799 с.
3. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
4. Новейший философский словарь / под ред. А.А. Грицанова. Минск : Изд-во В.М. Скакун, 1998. 878 с.
5. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. Москва : Гардарики, 2004. 1072 с.
6. Казан М.С. Философская теория ценности. Санкт-Петербург : Петрополис, 1997. 204 с.
7. Аверинцев С.С. Символ художественный // София-Логос. Словарь. 2-е, испр. изд. Киев : Дух і Літера, 2001. С. 155–161.
8. Косиченко Е.Ф. Понятие имени-символа в свете категории культурных ценностей // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 610. С. 167–178.

9. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. Москва : Искусство, 1995. 320 с.
10. Первушина Н.А. Феномен символа: концептуальные проблемы исследования // Вестник ТГПУ. 2011. № 11 (113). С. 187–191.
11. Тайлер Э.Б. Первобытная культура. Москва : Политиздат, 1989. 573 с.
12. Леонтьев Д.А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании: виды, детерминанты и изменения во времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.follow.ru/article/344> (дата обращения: 16.12.2016).
13. Эрштейн Л.Б. Запретная теория ценностей: психологические и социологические следствия представления ценностей как динамических запретов. Санкт-Петербург, 2008. 122 с.
14. Мид М. Культура и мир детства. Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. 429 с.
15. Дружинин В.И. Символы и ценности культуры как философская переоценка ценностей // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 111–120.
16. Психологические тесты для профессионалов / авт.-сост Н.Ф. Гребень. Минск : Современная школа, 2007. 496 с.
17. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. Москва : Политиздат, 1992. 543 с.
18. Лебон Г. Психология масс. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. 320 с.

THE SYMBOLIC NATURE OF VALUES

DMITRY A. SEVOSTYANOV^{1*},
ALISA R. GAINANOVA^{2**}

¹ Novosibirsk State Agricultural University, 160, Dobrolyubova St., Novosibirsk, 630039, Russia

² Siberian State Transport University, 191, Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk, 630049, Russia
E-mail: * dimasev@ngs.ru, ** gainanova@bk.ru

Abstract. *This article discusses the concepts of values and symbol, reveals their ontological connection. A symbol is an object with some special value. This relationship has not been clearly marked so far. However, the value can be considered as an object that has some special significance. The author analyzes the hierarchical value system and the possibility of inversions in this hierarchy.*

The inversions in a hierarchical system represent some contradictions between the organizational principles. The inversions in the structure of values are caused by the contradiction between the constitutional and majority principles. The constitutional principle means that the highest position in the hierarchy belongs to prosocial values. According to the majority principle, the highest position in the hierarchy should take those values that are acceptable to the greatest number of people. The prosocial values should be acceptable for most people. If the majority adheres only to individual, anti-social values, such a society is threatened by disintegration.

The article shows the relationship between the concepts “symbol” and “sacred” through the concept of “value”. It is also shown that these three concepts form a coherent hierarchical system. The separation of the “sacred” is a necessary stage of the development of human thinking. For this reason, the concept of “sacred” can be transformed, but cannot disappear from the mass consciousness.

Key words: value, symbol, sacred, hierarchy, inversion.

Citation: Sevostyanov D.A., Gainanova A.R. The Symbolic Nature of Values, *Observatory of Culture*, 2017, vol. 14, no. 2, pp. 132–139.

References

1. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka: 52 000 slov* [Dictionary of the Russian Language: 52 000 Words]. Moscow, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovari Publ., 1952, 848 p.
2. Ushakov D.N. *Tolkovyyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Adelant Publ., 2013, 799 p.
3. Averintsev S.S., Arab-Ogly E.A., Ilyichov L.F. (eds). *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1989, 815 p.
4. Gritsanov A.A. (ed.) *Noveishii filosofskii slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1998, 878 p.
5. Ivin A.A. (ed.) *Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophy: The Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 1072 p.
6. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical Theory of Value]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997, 204 p.
7. Averintsev S.S. Simvol Khudozhestvennyi [Symbol], *Sofiya-Logos. Slovar'* [Sofia-Logos. Dictionary]. Kiev, Dukh i Litera Publ., 2001, pp. 155–161.
8. Kosichenko E.F. Ponyatie imeni-simvola v svete kategorii kul'turnykh tsennostei [Symbolic Names in the Light of Cultural Values], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University], 2011, no. 610, pp. 167–178.
9. Losev A.F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The Problem of Symbol and the Realistic Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, 320 p.
10. Pervushina N.A. Fenomen simvola: kontseptual'nye problemy issledovaniya [Phenomenon of Symbol: Conceptual

- al Problems of Research], *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin], 2011, no. 11 (113), pp. 187–191.
11. Tylor E.B. *Pervobytnaya kul'tura* [Primitive Culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1989, 573 p.
  12. Leontyev D.A. *Tsennochnye predstavleniya v individual'nom i gruppovom soznanii: vidy, determinanty i izmeneniya vo vremeni* [Conceptions of Value in Individual and Group Consciousness: the Types, Determinants, and Change over Time]. Available at: <http://www.follow.ru/article/344> (accessed 16.12.2016).
  13. Ershtein L.B. *Zapretnaya teoriya tsennosti: psikhologicheskie i sotsiologicheskie sledstviya predstavleniya tsennosti kak dinamicheskikh zapretov* [Prohibited Value Theory: the Psychological and Sociological Consequences of Representation of Values as Dynamic Prohibitions]. St. Petersburg, 2008, 122 p.
  14. Mead M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the World of Childhood]. Moscow, Nauka Publ., Glavnaya Redaktsiya Vostochnoi Literatury Publ., 1988, 429 p.
  15. Druzhinin V.I. *Simvoly i tsennosti kul'tury kak filosofskaya pereotsenka tsennosti* [Symbols and Cultural Values as Philosophical Re-Evaluation of Values], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tula State University. Humanities], 2011, no. 2, pp. 111–120.
  16. Greben N.F. (ed.) *Psikhologicheskie testy dlya professionalov* [Psychological Tests for Professionals]. Minsk, Sovremennaya Shkola Publ., 2007, 496 p.
  17. Sorokin P.A. *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Human, Civilization, Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992, 543 p.
  18. Le Bon G. *Psikhologiya mass* [Psychology of Crowds]. Minsk, Kharvest Publ., Moscow, AST Publ., 2000, 320 p.

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИВАДИЙСКИЙ ФОРУМ

5-6 июня 2017 г. Ялта

«Русский мир и русский язык: исторические корни, направления развития»

Тематика Форума – поддержка русского языка, языков народов России, повышение роли русского языка в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве, развитии общего культурного и гуманитарного пространства.

Открывая заседание Оргкомитета по проведению Форума, Председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко уточнила, что русский язык является вторым по распространенности в сети Интернет, его изучают в школах и вузах более чем 40 стран мира. Он остается языком межнационального общения на постсоветском пространстве. Русский язык – главное объединяющее начало для народов России. Глава СФ считает, что Международный фестиваль «Великое русское слово», в рамках которого проводится Форум, и сам Форум уже перешли границы Крыма и стали значимыми событиями в России, получили широкий международный резонанс. «Мы решили поднять статус Форума и проводить его под эгидой Совета Федерации».

В.И. Матвиенко считает, что Форум зарекомендовал себя как ведущая площадка для профессионального обсуждения проблем и перспектив Русского мира. «Актуальность этой темы обусловлена и углублением интеграционных процессов, возрастающим интересом мирового сообщества к интеллектуальному и культурному потенциалу нашей страны».

Форум приурочен ко Дню русского языка в России и Дню рождения Александра Сергеевича Пушкина. В связи с этим предполагается, что в ходе Форума будут организованы телемосты с другими субъектами РФ, где будут праздноваться эти события.

В рамках Форума будут работать три секции:

- ◆ «Концепция Русского мира: поворотные моменты истории. Крымская весна»;
- ◆ «Русский язык: образовательные и правовые аспекты»;
- ◆ «Литература – культурный символ России. Крымская муза».

Подробнее: http://www.council.gov.ru/activity/activities/livadia_forum_3/